

СООТНОШЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ В НЕКОТОРЫХ СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

«Система грамматических отношений составляет важный уровень поэтической структуры»¹, так как она в значительной степени определяет механизм субъектно-объектных отношений в произведениях автора, раскрывая его личностное восприятие мира. Практически каждый случай употребления в тексте той или иной грамматической категории значим, поскольку функции ее далеко не ограничиваются отражением глубинных структур порождения текста, передающих информацию формально-логического уровня, предписанную нормами языка и несущую самые общие сведения субъектного, объектного, предикативного или атрибутивного характера. Особенности построения системы грамматических классов слов внутри произведения позволяют сделать отдельные выводы относительно специфики авторского подхода к теме и при определенных условиях могут явиться отражением некоторых тенденций в системно-структурном построении текста.

Интуитивное ощущение диспропорции в распределении частот существительных, прилагательных, глаголов и других частей речи в различных прозаических текстах помогает относить их к тому или иному функциональному стилю. При помощи методов количественного анализа получены объективные данные относительно особенностей системы грамматических отношений в текстах различных функциональных стилей². Представляется возможным предположить, что стихотворный текст также обладает некоторым своеобразием в данной области. В этом ракурсе и была рассмотрена лексическая структура некоторых произвольно взятых стихов М. Ю. Лермонтова.³

Обработка материала проводилась следующим образом. В первую очередь были составлены алфавитно-частотные словари каждого исследуемого стихотворения. При их составлении мы придерживались правил, изложенных в 3 главе «Введения» «Частотного словаря русского языка» (ЧСРЯ) под редакцией Л. Н. Засориной. Затем было подсчитано количество словоупотреблений в каждом словаре и все словоупотребления расписаны по графам матрицы, которая делила их на существительные, глаголы, прилагательные, наречия, числительные, местоимения, союзы, предлоги, частицы, причастия, субстантивированные прилагательные, омонимы (типа сущ./глагол) и остальные. В дальнейшем было найдено процентное содержание словоупотреблений в каждой графе по отношению ко всему объему стихотворения. На основании полученных результатов была составлена таблица, в которой стихотворения занимают ранг, соответствующий процентному содержанию существительных в их лексической схеме (см. таблицу).

В выборку вошли стихотворения длиной от 22 слов («Из Гете», 1840) до 582 слов («Смерть», 1830), общий объем исследованных текстов составляет 7136 лексем. В таблице представлены данные только по существительным, глаголам и прилагательным.

В первую очередь обращает внимание очень большой разброс представленности грамматических классов слов в текстах выборки. Так, в стихотворении «Пир» (1829) существительных 47,4 %, а в стихотворении «Еврейская мелодия» (1830) всего 17,4 %. Глаголов в тексте стихотворения «Романс» (1829) 26,8 %, а в стихотворении «Тучи» (1840) — 6,1 %; прилагательных в «Из Гете» 22,7 и только 2,2 % в стихотворении «Благодарность» (1840). Следует учесть, что одной из характерных черт Лермонтова-художника была способность «создавать сверхконцентрированные единства любого уровня — от словесного (и даже звукового) до жанрового»⁴, что, как видим, находит отражение и в использовании грамматических классов слов в его стихах. К особенностям творчества

Название стихотворения	Длина (в словах)	Количественное соотношение (%)		
		существительное	глагол	прилагательное
«Пир» (1829)	57	47,37	8,77	8,77
«Черкешенка» (1829)	63	42,93	15,90	11,13
«Песня» (1829)	47	40,43	12,77	12,77
«Молитва» (1837)	85	37,65	9,14	21,17
«Жалобы турка» (1829)	99	37,37	15,15	9,09
«Вечер после дождя» (1830)	85	36,47	18,82	5,88
«Романс» (1829)	102	36,27	12,74	16,66
«Эпитафия» (1830)	56	35,71	16,07	7,14
«Ангел» (1831)	82	35,40	13,40	14,60
«Мой демон» (1829)	68	35,29	14,70	14,70
«Поэт» (1838)	229	35,20	13,60	16,30
«Портреты» (1829)	237	35,02	9,71	17,72
«Пан» (1829)	80	35,00	17,50	10,00
«Узник» (1837)	84	34,52	10,71	19,04
«Дума» (1838)	250	34,40	10,00	13,20
«Наполеон» (1829)	335	33,43	16,74	14,35
«Мой демон» (1831)	142	32,39	14,08	14,78
«Из Гете» (1840)	22	31,80	18,20	22,70
«Ветка Палестины» (1836)	158	31,50	12,00	13,20
«Наполеон» (1830)	292	31,16	17,44	10,26
«К П...ну» (1829)	113	30,94	15,91	9,72
«Сосед» (1837)	123	30,80	16,20	10,50
«Благодарность» (1840)	46	30,40	13,00	2,20
«Русалка» (1836)	145	30,40	19,30	13,20
«Небо и звезды» (1831)	66	30,30	9,09	15,15
«Еврейская мелодия» (1836)	88	29,90	18,20	8,00
«Три пальмы» (1839)	340	29,30	17,70	13,60
«Тучи» (1840)	65	29,30	6,10	21,60
«Кинжал» (1837)	96	29,10	12,50	15,60
«Молитва» (1839)	45	28,89	15,54	13,33
«Ночь III» (1830)	133	28,57	15,04	10,53
«К Д...ву» (1829)	56	28,56	16,07	12,50
«Перчатка (Из Шнллера)» (1829)	214	28,50	18,22	11,21
«К NN» (1829)	71	26,76	18,33	7,05
«Элегия» (1830)	181	26,56	18,22	12,14
«К портрету» (1840)	77	26,00	10,40	10,40
«Эпиграммы» (1829)	128	25,76	19,53	3,91
«Посвящение NN» (1829)	99	25,25	16,16	12,12
«Молитва» (1829)	115	25,20	13,90	8,69
«Бородино» (1837)	413	25,00	20,90	8,40
«Булевар» (1830)	552	25,00	15,84	8,28
«Баллада» (1829)	178	24,72	23,60	10,68
«Благодарю!» (1830)	96	23,96	17,68	5,20
«Романс» (1829)	56	23,21	26,79	12,50
«Смерть» (1830)	582	22,85	19,01	10,82
«Отчего» (1840)	36	22,20	11,10	11,10
«К NN» (1829)	59	22,03	16,95	6,78
«Сентября 28» (1831)	147	21,77	14,96	10,88
«Солнце осени» (1831)	97	20,60	17,53	9,27
«Одиночество» (1830)	77	18,80	16,90	7,80
«Еврейская мелодия» (1830)	69	17,40	23,20	10,15

поэта относят также то, что он «напрягает русский язык и русский стих, стараясь придать ему новое обличье, сделать его острым и страстным»⁵. По всей вероятности, именно это стремление к предельно допустимой реализации потенциальных возможностей структуры стихотворного текста и привело к таким большим различиям в построении стихов. Как видно из таблицы, объем стихотворения не влияет на его внутреннюю организацию, которая в значительной степени определяется авторским замыслом. Анализ текстов показал, что найденные соотношения частот формально отражают своеобразный «жанр», в котором написано произведение.

Стихотворение «Пир», которое содержит наибольший процент существительных из всех обработанных нами текстов выборки, при ближайшем рассмотрении оказывается чрезвычайно «предметным», представляя собой едва ли не своеобразный лексико-семантический «натюрморт». Поэт буквально нагромождает друг на друга такие понятия, как «черемуха», «акация», «досуг», «мясо», «телец», «фрукты», «мед», «пиво», «стакан», «стол», «снедь», «кусок», «хлеб», «рюмка», «вино». Более того, автор явно избирает определенный стиль изложения, стремясь достичь максимальной субстанциональности повествования, что проявляется в насыщении текста существительными, связанными союзами, предложениями и в меньшей степени глаголами и прилагательными. В результате целые строки состоят из объектных понятий: «Под сень черемух и акаций...», «В объятых мира, муз и граций», «Но за столом любимца Феба...» Эта насыщенность структуры стихотворения объектами придает особый колорит произведению, которое может быть примером максимального использования в качестве изобразительного материала существительных, являясь также одним из крайних проявлений данного приема в реальном высокоорганизованном тексте.

Стихотворение «Еврейская мелодия» (1830) содержит всего 17,4 % существительных. Здесь автор крайне скупо вводит их в ткань произведения, употребив в первой строфе только лексемы «звезда», «залив», «струя», «прах» и придерживаясь этого принципа в двух других строфах. Основной акцент перенесен на глаголы, в результате чего стала возможной строка «Но поймать ты не лъстись и ловить не берись...», значительно перегруженная предикативными отношениями, но наилучшим образом передающая авторский замысел. Лермонтов даже в местах «спрессовывания» лексем, когда какое-то слово опускается с целью концентрации семантики, предпочитает построить отрывок таким образом, чтобы при прочтении его реконструировался в сознании именно глагол, как в строке «Ты обманут — он вновь пред тобой».

Соотношение грамматических классов слов в стихотворении «Романс» (1829) выглядит по сравнению с предыдущими примерами более сбалансированным. Очень высокое содержание глаголов сочетается здесь с относительно частым употреблением прилагательных и существительных, которые и образуют в совокупности общую структуру отношений, менее значительная роль отводится предлогам и союзам. И наоборот, в стихотворении «Благодарность» роль предлогов (особенно предлога «за») и союзов высока, а вот прилагательное всего одно — «тайные», что демонстрирует еще один из способов возможной организации стихотворного текста.

Однако соотношение грамматических классов слов в тексте высокоорганизованного художественного произведения не является чисто техническим приемом. Различия в этой области дают возможность проследить некоторые особенности организации произведений Лермонтова, которые в значительной степени обусловлены продолжением и совершенствованием поэтом пушкинских принципов художественного отражения действительности. Рассмотрим, к примеру, стихотворения «Узник» (1822) Пушкина и «Узник» (1837) Лермонтова. Пушкинский текст пронизан стремлением героя к свободе, что подчеркивается обилием глаголов, выражающих действие, которому жадно внимает узник: «Клюет и бросает и смот-

рит в окно...», «И вымолвить хочет: «Давай улетим!» и т. д. Лермонтовская трактовка темы характеризуется пассивностью героя, ставящего на место реального действия романтические мечты о кем-то данной ему свободе, о «черноглазой девице», «черногривом коне». Однако доминирует в повествовании безысходность ситуации: «Но окно тюрьмы высоко, Дверь тяжелая с замком...», «Стены голые кругом...» и т. д. Эти особенности семантики текстов находят формальное выражение в заметном преобладании у Пушкина глаголов, а у Лермонтова существительных и прилагательных. В процентном отношении в «Узнике» Пушкина существительных 26,10, глаголов 21,75, прилагательных 10,15 %, а в «Узнике» Лермонтова соответственно 34,52, 10,71 и 19,04 %.

Таким образом, анализ материала позволяет говорить о важности уровня грамматических отношений, выполняющего в стихотворном тексте взаимосвязанные и взаимообусловленные другими структурными уровнями функции, направленные на адекватную передачу авторского замысла.

¹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста.— М., 1970, с. 203.

² См.: Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной.— М., 1977, с. 927.

³ Лермонтов М. Ю. Соч. в шести томах.— М.-Л., 1954, т. 1—2.

⁴ Лермонтовская энциклопедия.— М., 1981, с. 537.

⁵ Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха.— Пг., 1922, с. 91.

К. М. ГЮЛУМЯНЦ

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СОМАТИЧЕСКИМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Исследование фразеологизмов трех восточнославянских языков целесообразно проводить на основе выделения определенных критериев. Ведущим в нашей работе является тематический признак — изучаются сочетания, в состав которых входят слова, называющие части и органы тела. Подобные лексемы (и сочетания с ними) определяются во фразеологии термином «соматизмы» (ср. греч. *soma* — тело). Фразеологизмы-соматизмы (ФС) изучались, главным образом, на материале отдельных языков (см. работы таких авторов, как Ф. Вакк, Э. М. Мордкович, Э. С. Якимова и др.). Значительно меньше внимания уделялось исследованиям сравнительного плана, а между тем именно такой подход позволяет глубоко и всесторонне изучить общие закономерности образования и функционирования исследуемой группы устойчивых сочетаний.

В первую очередь обращает на себя внимание многочисленность ФС — по подсчетам А. И. Исаева, они составляют в разных языках от 9 % до 15 % всего фразеологического состава¹. Установить точное число соматизмов довольно трудно: лексикографические источники (как фразеологические, так и толковые словари) в зависимости от объема, критериев отбора материала и других факторов включают только часть материала. Так, например, в ССРЛЯ в статье «голова» приведено 54 устойчивых сочетания², а во Фразеологическом словаре русского языка (ФСРЯ) их 117³. Подобная картина наблюдается и в других языках. Число ФС с компонентом «галава» в белорусских словарях колеблется в пределах от 50 до 100 единиц⁴. Более точные подсчеты дают другой результат: по данным Э. М. Мордкович, в белорусском языке с названным существительным насчитывается 138 сочетаний⁵. Надо полагать, что заниженной является также цифра 50 для украинского языка⁶. В то же время не подлежит сомнению, что фразеологизмовательная активность того или иного соматизма в разных языках неодинакова.

Роль слов-соматизмов как смыслообразующих центров фразеологических единиц неслучайна. Они составляют наиболее архаическую часть словарного состава языка и входят в его основной фонд. Образованные